

Н. П. Ковалёва

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ АНТИИСКОВЫХ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В материалах проводится анализ антиисковых обеспечительных мер (anti-suit injunctions) так как глобализация экономики повлекла увеличение числа споров, в которых компании и граждане предстают перед иностранными судами и арбитражами. Данное исследование является актуальным, так как участники судебных разбирательств, осложненных иностранным элементом, лишены возможности быстро и надлежащим образом принять антиисковые обеспечительные меры с положительным результатом.

Обеспечительные меры в целом и антиисковые в частности впервые появились именно в английском праве и являлись средством правовой защиты, основанном на праве справедливости. Исторически общее право не знало такого средства правовой защиты, как обеспечительные меры, поэтому суды не имели возможности защитить сторону при помощи этого института, даже когда необходимость в защите была очевидной. Обеспечительные меры стали продуктом права справедливости, которое в определенный момент исторического развития начало применяться всеми судами Англии [1, с. 275]. В силу прецедентного характера англосаксонской системы права справедливо привести пример выдачи антиисковых мер установленный в прецеденте «Re Maxwell Communications Corporation в 1992 г.», положения которого состояли в следующем: «если основной вопрос состоит в том, какой из судов, английский или иностранный, является более подходящим для рассмотрения данного дела, то этот вопрос обычно может решаться иностранным судом по принципу «forum non conveniense» и английскому суду не следует вмешиваться в решение этого вопроса, однако если в исключительных случаях английский суд придет к выводу, что судебный процесс в иностранном суде будет недобросовестным и отягощающим процесс и что английский суд является надлежащим судом, т. е. более подходящим для рассмотрения спора, то суд может выдать обеспечительные меры, предотвращающие рассмотрение иска в иностранном суде» [1, с. 279]. Иными словами, английский суд должен всегда найти баланс, в случае появления сомнений в добросовестности иностранного судебного процесса и при наличии отягощения, выдав при этом антиисковые обеспечительные меры.

Несмотря на данные положения и особую избирательность в применении запрета данная позиция вызывала и вызывает спор у юристов, например, некоторые указывают «что изначально задуманные как средство борьбы с недобросовестными и отягчающими процесс разбирательствами в иностранном суде, антиисковые обеспечительные меры со временем стали методом навязывания английских взглядов по вопросу о том, в каком суде правильнее рассматривать спор» [1, с. 281]. И как следствие она неоднократно обжаловалась со ссылкой на международные договоры Европейского союза, и примером может служить решение суда ЕС по делу C-159/02 от 27 апреля 2004 г. в котором было доказано, что ответчик действует недобросовестно, что может помешать судебному разбирательству по существу, что повлекло выдачу судебного запрета, препятствующего ответчику в продолжение судебного разбирательства в другом государстве [2]. Необходимо отметить, что в английском праве антиисковые меры «anti-suit injunction» действуют по принципу «in personam» когда запреты накладываются на определенную сторону, а не на иностранный суд и на этом основании в настоящее время английские судебные органы могут применять антиисковые меры, но только к странам, не входящим в ЕС.

Общий вывод о возможности принятия или неправомерности в использовании такой меры, как «*anti-suit injunction*» представляется необходимым после рассмотрения отношения к данному феномену стран романо-германской правовой системы, например, нейтральное отношение Франции и Германии к «*anti-suit injunction*» просматривается в делах: № 10/01643 «Вивенди против Жерар», рассмотренное Апелляционным судом г. Парижа, где пересматривался отказ Суда большой инстанции вынести запрет на судопроизводство в отношении судебного процесса, возбужденного в одном из судов США и дело Верховного земельного суда г. Дюссельдорфа по отклонению заявления о вынесении запрета судопроизводства. И как справедливо было отмечено «указанные суды Франции и Германии не приняли акта о запрете ответчику на проведение процесса в другом суде не потому, что сочли себя неполномочными, а потому, что отсутствовали все необходимые предпосылки для издания такого судебного акта» [1].

По причине недостаточного количества суждений и работ о возможности применения «*anti-suit injunction*» в Республике Беларусь, представляется самостоятельно проанализировать данный вопрос. Часть 1 статьи 255 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) содержит исчерпывающий перечень мер по обеспечению иска, а в Законе Республики Беларусь «О международном арбитражном (третейском) суде» и вовсе отсутствует перечень обеспечительных мер. При этом в Законе «О международном арбитражном (третейском) суде» содержится норма, предоставляющая стороне международного арбитражного разбирательства обратиться в суд с просьбой принять меры по обеспечению иска, последний в свою очередь в пределах компетенции и в соответствии с порядком, установленным процессуальным законодательством Республики Беларусь, исполняет просьбу [3, ст. 23]. При этом в п. 2 ч. 1 статьи 255 ГПК закреплено: «запрещение ответчику совершать определенные действия», что предполагает возможность принятия антиисковых обеспечительных мер и в Республике Беларусь при условии соблюдения основания: «если непринятие мер обеспечения может затруднить или сделать невозможным исполнение решение суда» (ст. 254 ГПК). В силу актуальности рассматриваемой темы представляется необходимым рассмотреть относительно новое для Беларуси понятие «антиисковый запрет», так как 12 июля 2023 г. в Республике Беларусь был принят Закон Республики Беларусь «О применении специальных ограничительных мер», который и ввел положение об «антиисковом запрете». Многоступенчатый порядок применения меры закреплен в ст. 11 вышеуказанного нормативного акта, в частности он содержит в себе все стадии от подачи заявления лицом, в отношении которого инициировано разбирательство в иностранном суде или иностранном третейском суде (арбитраже), и заканчивая вынесением экономическим судом области (города Минска) решения о запрете или об отказе в запрете стороне инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде или иностранном третейском суде (арбитраже) [4]. Основанием принятия «антиискового запрета» является неисполнимость пророгационного и/или арбитражного соглашения. При этом причиной неисполнимости является совершение в отношении одной из сторон недружественных действий, которые создают ей препятствия в защите своих нарушенных или оспариваемых прав и свобод либо в защите своих законных интересов (ч. 1 статья 4) [4].

Обобщая вышеизложенное, предполагается возможным считать «антиисковый запрет» подвидом антиисковой меры. Отличие видится лишь в специализации на защите национальных интересов и безопасности Республики Беларусь, ее суверенитета и территориальной целостности, политической и экономической стабильности, прав, свобод и законных интересов граждан и организаций Республики Беларусь.

В заключение хотелось бы отметить необычный характер института антиисковых мер несмотря на наличие таких плюсов, как возможность на первоначальном этапе спора разрешить коллизию юрисдикций, снизить правовую неопределенность и исключить ведение параллельного процесса, который в последующем может затруднить или сделать невозможным исполнение одного из судебных решений.

Список использованной литературы

1. Ходыкин, Р. М. Антиисковые обеспечительные меры в цивилистическом процессе и международном арбитраже / Р. М. Ходыкин // Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: Liber Amicorum в честь А. А. Костина, О. Н. Зименковой, Н. Г. Елисеева / Составители: С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова, А. И. Муранов, Е. В. Вершинина. – Москва: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2013. – С. 274 – 296.
2. Judgment of the Court (Full Court) of 27 April 2004. Gregory Paul Turner v Felix Fareed Ismail Grovit, Harada Ltd and Changepoint SA. [Электронный ресурс] – 2025. – Режим доступа // <https:curia.europa.eu/juris/liste>. – Дата доступа: 23.04.2025
3. О международном арбитражном (третейском) суде: Закон Республики Беларусь, 9 июля 1999 г. № 279-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 1999. – № 56. – 2/60
4. О применении специальных ограничительных мер: Закон Республики Беларусь, 12 июля 2023 г. № 280-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 2023. – 2/3000.

УДК 349.2

Е. А. Ковалёва

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

ПРАВОВОЙ СТАТУС РАБОТНИКОВ «ЗОЛОТОГО ВОЗРАСТА»

В материалах проводится анализ законодательства, международных стандартов о правовом положении работников предпенсионного и пенсионного возраста. Делается вывод, что возраст не может являться критерием для дискриминации работников, а принятие актов трудового законодательства, нарушающих права таких работников, не основано на Конституции Республики Беларусь.

Статьей 14 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) запрещается дискриминация в трудовых правах в зависимости от возраста, если это не связано со спецификой трудовой функции работника. В то же время в объявлениях о приеме на работу прослеживаются случаи, когда кандидата в работники ограничивают определенным возрастом. В последнее время даже в законодательстве имеются такие случаи. Особую актуальность темы вызывает недавнее повышение в республике пенсионного возраста и необходимость гражданам доработать до пенсии в «золотом возрасте». Возрастных работников, по сравнению с молодежью, характеризует приобретение опыта, наличие высокой квалификации, повышенной ответственности.

В настоящее время российские аналитики утверждают, что российская экономика переживает кадровый голод по причине демографической ситуации 1990-х годов. Согласно данным сервисов «Работа.ру» и «Подработка» ИТ сфера демонстрирует наибольший прирост вакансий для пенсионеров (+183,8 % за 2024 г.); в сферах образования, культуры и госслужбы (+55 %); в торговле количество вакансий для пенсионеров в I квартале 2024 г. выросло на 49,7 %, в сфере маркетинга и рекламы — на 47,5 %, в финансовой отрасли – на 38,6 %. Вакансии, не требующие опыта работы, а также сфера услуг показали наименьший прирост рабочих мест – 27,1 % и 21,5 % соответственно. Если молодое поколение достаточно легко относится к смене места работы (в 2024 г. 45 % молодых людей в возрасте 18–27 лет перешли на другую работу), то старшее поколение ценит стабильность, стаж, постоянство [1].